

5 ДЕК 1966

В ТЕ ДНИ темнело рано, улицы оставались темными и пустынными. Витрины магазинов были завалены мешками с песком, на улицах — надолбы, «ежи», патрулируют машины с зенитными пулеметами.

Военные сводки с каждым днем становились все тревожней. Почти все актеры перекочевали жить в театр — в кругу близких людей чувствовали себя спокойнее. В театре был организован штаб, его возглавляли артист хора И. Ошанин,

театр объяснял наше самочувствие. Помимо, как наши художники тут же соорудили фанерный щит около подъезда, на котором написали, что 19 октября пойдет спектакль «Корневильские колокола». Буквально через несколько минут около этого щита собралась толпа. Были тут и пессимисты, уверявшие, что это старый анонс и что театр давно эвакуирован, но были и оптимисты, бросившиеся к кассам. Мы были здесь же, и, право, трудно передать волнение, с которым спеш-

спектакли? На самом высоком художественном уровне!

Стали мы желанными гостями и в воинских частях. Помню один из концертов — 18 октября: мы выступали перед воинами, уходящими на фронт. Было уже темно. Нас везли на машинах, холод обжигал лицо. На площади Свердлова мы услышали: «Граждане, воздушная тревога!». Когда мы приехали, нас уже ждали, времени было мало. Перед глазами — узкий зал, бойцы с автоматами, уже одетые в белые маскировочные халаты, с походным снаряжением. Многие сидят на полу — нет свободных мест. На этом концерте мы познакомились с командиром части, тогда еще майором С. Пономаревым, и комиссаром части Б. Касаткиным, с которыми нас долгое время связывала большая и искренняя дружба. С бойцами этой части мы сроднились, выезжали к ним на фронт обычно одной и той же группой — это мои товарищи А. Лукопина, К. Малькова, А. Кузнецова, И. Калик, А. Томский, Е. Коренев, И. Петров, А. Сорокин, С. Смирнов, Н. Пермьяков, С. Ценин — бессменный конференсье, пианисты А. Шоластер и В. Резцов.

Как относились к нам наши дорогие слушатели? Вот пример. Как-то мы вернулись с фронта в крытом фургоне. В городе была объявлена тревога. Мы выскочили из машины, которая тотчас же умчалась, и тут только И. Петров (наш постоянный исполнитель роли В. И. Ленина в спектакле «В бурю») спохватился, что в уехавшем фургоне он оставил свои ноты. Его горю не было границ. Мы узнали, что в последующие дни часть была в сильных и тяжелых боях. Но через две недели с

небольшим в театр явился боец, который передал дежурному законченную и местами запачканную кровью пачку нот. Это были потерянные ноты нашего Петрова, «повоевавшие», но все же нашедшие своего исполнителя.

Из фронтовых встреч в памяти осталось многое, но одна из них мне особенно дорога. Я говорю о концерте на Ховринском железнодорожном узле 5 декабря 1941 года. Никануне фашисты большими силами двинулись с этого направления на Москву, но их встретил мощный огонь орудий, поднянутых на этот участок, а затем не менее губительный огонь нашей авиации. Помню комиссара-железнодорожника Д. Наумова, который оказался в самом пекле боя. Помню лейтенанта Марину — красавицу-девушку, наблюдавшую и корректировавшую огонь орудий. Живы ли они? Как хочется передать им горячий привет. Когда мы подъезжали к Ховрину, на поле еще курились подбитые фашистские танки. Здесь гитлеровцам нанесли сокрушительное поражение.

Всех участников того концерта я, к сожалению, не упомяну. Знаю, что были Н. Кемарская, Л. Виноградская, А. Томский, С. Дойниченко, С. Ценин, М. Щеглов, Г. Бушуев, Н. Фокин, ну и пишущая эти строки.

Пролетель 25 лет! Время было трудное, но необычайно дружное, богатое событиями и встречами. Рассказывать о них можно до бесконечности много, потому что все, что было, так свежо в памяти, как будто случилось только вчера.

Тамара ЯНКО,
заслуженная артистка РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР.

1941-й, декабрь

С. Ивашков (артист ансамбля), А. Томский (артист балета), А. Бухарин (забедующий освещением театра). Сколько бессонных ночей (а днем тоже выспаться не было времени) проведено ими! Они вели занятия по военному обучению, составляли наряды на дежурства, а ночью бегали от объекта к объекту, подбадривая бойцов на постах.

16 октября 1941 года инициативная группа наших товарищей, выдвинутая коллективом, обратилась к заместителю Председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгину с просьбой принять их. На этой встрече им сказали, что решено оставить Музыкальный театр, в осажденной Москве. Так наш коллектив стал на некоторое время единственным театром военной Москвы.

Я никогда не забуду, как уже под вечер наши товарищи, вернувшись в театр, сообщили нам эту весть. Что было! Каждый чувствовал неожиданный и радостный прилив сил. Одно понятие «фрон-

ли уверить наших будущих зрителей, что спектакль непременно состоится. И по тому, как лица пессимистов озарялись радостным удивлением, как люди тут же подбегали к кассе, мы понимали, что наши выступления для них значили нечто гораздо большее, чем просто спектакли театра. А 19 октября я получила одно из самых сильных впечатлений за всю мою жизнь. Вот когда уже доподлинно в театре негде было яблоку упасть! Для каждого зрителя и для каждого работника театра этот вечер был наполнен особенно большим и значительным содержанием. В «Корневильских колоколах» выступали Н. Кемарская, Н. Тимченко, И. Петров, С. Ценин. Успех был грандиозным.

С этого дня мы давали спектакли ежедневно, иногда по два в день, иногда даже по три. Руководили театром в то время И. Тумаков, П. Марков, В. Бурмейстер, А. Томский, А. Алевладов, Е. Акулов, Б. Волков, А. Лебедева. Как шли